- 7 Коваль, В. И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение / В. И. Коваль. – Минск : РИВШ, 2011. – 150 с.
- 8 Мокиенко, В. М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? / В. М. Мокиенко // Вопросы языкознания, 1973. – № 2. – С. 21-34.
- 9 Толстой, Н. И. Славянская фразеология sub specie этнографии / Н. И. Толстой // Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej. – IV. Ed. M. Basaj i D. Rytel. Wrocław etc., 1988. – S. 15-25.
- 10 Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Вып. 1–47 (издание продолжается). – Л.–СПб, 1965–2014.
- 11 Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова / под ред. проф. В. М. Мокиенко. – СПб. : Изд-во СПбГУ–Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.; 4-е изд., стереотипн. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. – 926. [2] с.
- 12 Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Никитина Т. Г. / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.
- 13 Мокиенко, В. М. Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
- 14 Мокиенко, В. М., Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / В.М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева/ под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. – М. : «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
- 15 Алефиренко, Н. Ф., Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Золотых, Л. Г. – М. : Изд-во «Элпис», 2008. – 472 с.
- 16 Чернышев, В. И. Избранные труды / В. И. Чернышев. – М., 1970. – Т. 1. – 655 с.
- 17 Гвоздарев, Ю. А. Пусть связь речений далека... / Ю.А. Гвоздарев. – Ростов-на-Дону, 1982. – 208 с.
- 18 Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русской фразеологии / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов // РЯШ. – 1979. – № 6. – С. 57–69.
- 19 Максимов, С. В. Крылатые слова / С. В. Максимов. – М., 1955. – 444 с.
- 20 Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии / М. И. Михельсон. – СПб., 1902. – Т. 1. – 778 с.
- 21 Грушко, Е. А. Современные крылатые слова и выражения / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев.– М. : Рольф, Априс Пресс. – 2000. – 514 с.

УДК 398(=161)

А. В. Морозов

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА КАРТИНЫ МИРА В ФОЛЬКЛОРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В статье раскрыты структурно-смысловая и образная конфигурации мифологической основы традиционной картины мира восточных славян, воссоздаваемой по фольклорным источникам. Показан феномен «живучести» мифологического восприятия социального мира в процессе актуализации латентных ментальных структур во второй половине 80-х – 90-е гг. XX века и даже в первые десятилетия XXI столетия.

Фольклору любого народа присущи гносеологическая (познавательная) и мировоззренческая функции: в многовековом процессе устно-поэтического творчества люди в особой, художественной манере воплощают сформированную массовым сознанием культурную картину мира. Более того, воссоздаваемой по фольклорным источникам для картины мира характерна большая полнота и социальная репрезентативность, нежели «картине мира», анализируемой по литературным источникам – «продуктам» элитарной субкультуры глобального, письменного типа культуры (идентифицируемого по способу информационной самоорганизации общества). Фольклор как традиционное устно-поэтическое творчество, прежде всего, ассоциируется с многовековой культуросозидающей деятельностью широких крестьянских масс.

Проведенный нами ранее анализ обрядового фольклора восточных славян [1, с. 55–79] позволил выделить пронизанные мифологией основные структурообразующие элементы ментальных установок коллективного творца устно-поэтических произведений:

– синкретичность (доминирует нерасчлененная целостность в мироощущении, бытие практически не дифференцируется на функциональные и структурные сегменты, на объект и означающий его знак или слово, на практическое действие и символизирующий его ритуал, отсутствует или является весьма смутным представление о причинно-следственной детерминированности событий и явлений);

– цикличность восприятия времени и динамичность восприятия пространственного мира (отсутствие представлений о линейном времени, что является основанием для идеи вечности, в которой пребывает мир; перемены воспринимаются как иллюзии и носят характер неизбежного циркулярного повтора событий в жизни людей, деяниях богов и пр.);

– универсальность существования человека в мире (человек не выделяет себя из природы, не относится к миру как к объекту познания и преобразования, а к самому себе как к субъекту этого познания);

– ориентация на мистические чувственно-образные формы познания и взаимодействия с окружающим миром и его процессами (соответственно, истинность знания (утверждения) доказывалась, во-первых, включенностью его в систему коллективных представлений, традиций, обычаев или же соответствием им, во-вторых, соблюдением при получении данного знания (проверке утверждения) общепринятых ритуалов и процедур);

– преобладание коллективных интересов и устремлений над индивидуальными (интересы индивида в общине подчинены интересам коллектива, который определял все стороны жизнедеятельности: нравственные нормы, духовные приоритеты, культурные предпочтения, принципы социальной справедливости и взаимопомощи, норму и характер труда).

При изучении культурной картины мира по фольклорным источникам наиболее ярко проявляется ее структурно-смысловая и образная конфигурации.

Основу выявляемой в фольклорных текстах структурно-смысловой конфигурации картины мира составляют стереотипные представления о человеке, природном и социальном мире, доминирующие в массовом сознании белорусов, русских и украинцев. Генерализованные черты мироведения в разнообразных видах и жанрах традиционного устно-поэтического творчества тяготеют к так называемой восточной ментальности, пронизанной идеалами духовно ориентированного бытия, братской любви и самопожертвования во благо общего дела. Однако светлые идеалы, как правило, носят утопический характер и не подкреплены практическими знаниями о путях и методах их достижения.

Основным принципом художественного «построения» образной конфигурации культурной картины мира выступает принцип «жизнеподобия».

В фольклорных сюжетах и образах получает фиксацию идея о божественном первоисточнике правил человеческого поведения и непосредственной обусловленности норм социального устройства более широкими (космологическими) порядками. Образная картина мира оказывается разделенной на две половины – мир священный (сакральный) и мир обыденный (профанный). Анализ произведений обрядового фольклора показывает, что переход границы между мирами возможен в религиозных ритуалах и действиях, благодаря которым мифопоэтическое сознание и соответствующие ментальные структуры преодолевают разрыв сакрального и профанного.

Присутствующая в профанном мире социальная драма рисуется как проявление высокой космологической драмы – столкновения мировых сил, воплощенных в образе Добра и Зла (а также в производных образах – Правды и Кривды, Света и Тьмы и т. д.). Защита Добра и его воплощений признается священной и нуждается в поддержке со стороны верховной власти. В произведениях внеобрядового фольклора органично связанные с массовыми религиозными воззрениями социально-утопичные представления базируются на идее идеальной крестьянской общины и образе мудрого правителя и (или) борца (царя, князя, пана, вождя,

военноначальника, былинного героя, богатыря и т. п.) с силами зла и мрака. На ментальном уровне обретение духовности связывалось с самоограничением и непрактичностью: во имя исполнения общих высших целей и идеалов люди готовы были принять и оправдать любую, даже очень суровую повседневность.

Ещё на рубеже XIX–XX веков дореволюционный исследователь народного месяцеслова А. С. Ермолов писал, что далеко ушедшая наука должна «постараться восстановить давно порванную связь между точным научным знанием, с одной стороны, и непосредственным народным опытом, чуткой наблюдательностью простого сельского люда – с другой» [2, с. VI]. Научные открытия XX века удивительным образом совпадают с представленной в календарно-обрядовом фольклоре идеей о «мировом законе» жизни Вселенной – идеей постоянного воспроизведения традиционной формы в новом цикле. Кроме того, современной наукой подтверждается концепция всеединства, связи законов человеческой психики (и лежащим в их основе мифопоэтическим сознанием) с законами мироздания.

Проведенный нами анализ указывает и на то, что мифопоэтическое сознание, доминирующее при создании ранних форм фольклора, остается одной из постоянных структур социально-психологической природы человека. Этот тезис подтверждается не только тем, что при формировании иных мировоззренческих парадигм в последующие эпохи ментальные установки мифопоэтического сознания не исчезли из социальной практики, а только локализовали зону своего функционирования преимущественно приватной (и отчасти тайной) неконвенциональной (осуждаемой официальными религиями) мистикой, магическими действиями, течениями оккультизма и т.п. Некоторые приемы из практики мифологии, мистики и шаманизма успешно используются современной массовой культурой в сфере шоу-бизнеса. То, что сейчас относится к поэтическим приемам, в далеком прошлом воспринималось в качестве приема освоения действительности членами первобытного социума; абсолютное большинство таких приемов и средств (метафора, метонимия, олицетворение, гипербола, литота и т. д.) с точки зрения современной рациональной науки не выдерживают никакой критики – тем не менее, мы успешно пользуемся ими в своей повседневной жизни, не видя в них противоречий логического порядка.

С проявлениями мифопоэтического сознания связаны и феномены современного массового политического и национального сознания, внешне напоминающие явления мифологизированной культуры в ее наиболее выраженном – шаманском – проявлении («синдром толпы», экстатические формы выражения национальных и политических чувств, повышенная массовая мистифицированность, в том числе под влиянием средств массовой информации и коммуникации, вера в кумиров и т. п.). Социодинамика заговорного жанра в XX – начале XXI века – ещё одно убедительное свидетельство того, что неправомерно однозначное толкование фольклорного процесса и духовной культуры в целом как поступательного движения от простого к более совершенному и прогрессивному. Современные реалии говорят о поразительной «живучести» этого «архаичного» фольклорного жанра у белорусского, русского, украинского народов.

Представленная в фольклорных произведениях образная мифопоэтическая картина мира являлась доминирующей интегрирующей идеологией в течение длительного периода социальной истории наших предков и одновременно – одной из автономных сфер массового сознания, выраженной в символической форме. Ориентация ментальных структур на коллективизм, духовные ценности и высшие идеалы усиливала архетипическую заданность образной картины мира. Вместе с тем, мы наблюдаем проникновение в тексты фольклорных произведений второй половины XIX–XX вв. идей и образов общественно-политического популизма: пронизанные духом классовой ненависти, многие частушки, рабочие и революционные песни будоражили общественное мнение, отвечая характеру лозунговой стихии разрушения существующего миропорядка. Образ отдельного человека теряется в беспощадной борьбе; за оптимизмом конечной цели свержения правящего режима редко проявляются яркие символы созидания.

Как и во многих текстах сказок, исторических преданий и песен, во внеобрядовой поэзии второй половины XIX–XX вв. ярко представлена еще одна ментальная характеристика наших народов – ориентация на быстрое решение жизненно важных проблем, которая, с одной стороны, проявляется в жертвенности, умении собраться в экстремальной ситуации, героизме (трудовом и ратном), а с другой стороны – в удальстве, непрактичности и привычке к авралу. К сожалению, данная ориентация структур восточнославянской ментальности могла приводить к негативным последствиям, особенно при имеющемся разрыве между исповедуемыми идеалами и способами их достижения в земной жизни. Так, многие трагедии русского общества объясняются дуализмом и противоречивостью ментальных установок – извечной тягой к совершенству и острым ощущением своего несовершенства, вытекающего из несовершенства человеческой природы; сочетанием соборности (с элементами мессианского начала по отношению к другим народам) наряду с отсутствием взаимосвязанности в жизнедеятельности трех архетипических сил – высшего руководства, «срединного класса» и широких народных масс; парадоксальной полюсарностью, как в сменяемости высших целей преобразования – «коммунистический» (начало XX века) и «капиталистический» рай (конец XX века), так и во вновь декларируемых высших целях и идеалах наряду с отказом от опыта и традиций, выработанных в предыдущий период социально-экономического и культурного развития.

Противоречивость может проявляться и в важнейшей отличительной черте ментальности украинцев, которая нашла наиболее яркое воплощение в эпическом творчестве и заключается в прославлении вольности и желании «самостийности» как основы национального благоденствия. Однако эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ воли имеет упрощенный, схематизированный характер: страстное желание воли (независимости) зачастую является самоцелью и опять-таки оборачивается вседозволенностью в выборе средств и способов ее достижения; во-вторых, на ментальном уровне представления о независимости мало соотносятся с обретением подлинной свободы в общегуманитарном смысле этого слова; по существу, эти представления отвечают группоцентрическому уровню этнической психологии и не характеризуются стремлением установить равные условия жизнедеятельности и для «своих» и для «чужих».

Анализ показал, что ментальные характеристики белорусов, русских и украинцев схожи, однако исторически в ментальных структурах белорусского этноса в меньшей степени проявляется противоречивость, доходящая до парадоксальной полюсарности и соединения несоединимого. Главные стереотипы восприятия ментальных черт белорусов другими народами – покорность, пассивность, конформизм, нерешительность, «памяркоўнасць», скрытость – в основном являются результатом интерпретации, а не глубинного анализа существенных характеристик национального характера. Эти стереотипизированные оценки, негативно комментируемые и на уровне обыденного сознания, и особенно на уровне элиты (представителями «творческой» интеллигенции и рядом политиков), на самом деле есть показатель отсутствия парадоксального и трагического разрыва в ментальных установках на «высокие» идеалы и «низкие» формы их практического претворения. Меньшая противоречивость в накопленных ментальных структурах позволила белорусам выдержать жестокие исторические испытания и обрести самобытность в сложных геополитических условиях многовекового существования на стыке цивилизаций Востока и Запада.

История культуры восточнославянских народов – это история подъемов и срывов, на всем ее протяжении белорусский, русский и украинский народы демонстрировали как образцы самоотверженного служения, устремленности к высоким идеалам, так и трагедии глубоких падений, социальных и духовных потрясений. Деструктивное влияние на ментальность восточнославянских народов оказали периоды затяжных социально-политических кризисов XX века: «ментальную сплоченность» общества дезориентировали революционные изменения условий существования социального механизма. Кризисный менталитет отличается мозаичностью, ситуативностью, внутренней противоречивостью, актуализацией латентных

ментальних структур, свойственных прошлым культурно-историческим эпохам (в том числе восходящих к мифопоэтическому сознанию создателей ранних форм фольклора), что наглядно проявилось во второй половине 80-х – 90-е гг. XX века и даже в первые десятилетия XXI столетия.

Список использованных источников

1 Морозов, А. В. Фольклор в духовной культуре восточных славян: ментальные предпосылки функционирования / А. В. Морозов – Вильнюс : ЗАО «Ксеня», 2005. – 196 с.

2 Ермолов, А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 1 : Всенародный месяцеслов / А. С. Ермолов. – СПб. : Типография А. С. Суворина, 1901. – IX, 620 с.

УДК 811.161.2:39 (075.8)

В. П. Мусієнко

УКРАЇНЬСЬКА ЕТНОГРАФІЧНА ЛЕКСИКА: ІДЕНТИФІКАЦІЯ ТА ТИПОЛОГІЯ

В статті обговорюються методологічні основи дослідження етнографічної лексики. Визначаються і демонструються на матеріалі української мови основні аспекти аналізу: проявлення етнічної семантики, походження, ступінь етнічної самобутності, буття в історії.

Сучасна європейська свідомість, попри політичні і економічні кроки до об'єднання народів, схильна до орієнтації на ідіоетнічність, що особливо притаманне народам, які недавно отримали політичний суверенітет і занепокоєні пошуком своєї самобутності. Безумовно, це справедливо і щодо українського етносу. Відповіддю на цей духовний запит народу є широкий розвиток вітчизняних етнолінгвістичних досліджень (див. праці В. Русанівського, В. Жайворонка, В. Кононенка, С. Єрмоленко, О. Тищенко, Т. Григоренко, Т. Радзівської та ін.). Аналіз національно-культурної специфіки мови є спеціальним предметом розгляду на періодичних наукових конференціях «Мова і культура» (Київ), «Актуальні проблеми менталінгвістики» (Черкаси), «Проблеми зіставної семасіології» (Київ) та ін. Більшість робіт присвячується розгляду окремого слова-концепта чи ЛСГ, або тематичної групи, пошуку національно-культурного колориту тексту чи цілого жанру. Найчастіше увагу дослідників привертає лексико-семантичний вияв української самобутності, вивчення слова як знака етнокультури.

Знайомство з етнолінгвістичними розвідками в царині лексикології демонструє потребу обговорення методичних засад ідентифікації і типології етнографічної лексики. Всі етнолінгвістичні дослідження ґрунтуються на відомому положенні В. фон Гумбольдта про мову як дух народу, а дух народу як його мову. Під впливом матеріалістичних поглядів ця ідея трансформувалась у загальноновизнане зараз положення про те, що мова – це носій культури. Тут ми залишимо осторонь дискусійне питання про те, де зберігається національно-культурна інформація – у слові чи у свідомості мовця, оскільки воно має загальнометодологічний характер і стосується акумулятивної функції мови загалом. Вважаємо, що прийняття категорії суспільної свідомості знімає проблему, а тому робить правомірним розглядати семантику слова як «комору» історичного досвіду народу.

Принципово можливі два шляхи ідентифікації лексичних знаків української культури: від культурного явища до слова та від слова до культурної реалії. Обидва використовуються у мовознавстві, об'єктом якого «слова і речі» стали з 1909 року з заснуванням часопису «Wort und Sachen», але обидва наражаються на проблему обмеження.

При дослідженні національно-культурної специфіки лексичної системи мови можна орієнтуватися на всю систему як носія відповідної культури, встановлюючи зміст одиниць і